

Лицо Ли Ю на мгновение исказилось, стоило Линь Ци озвучить своё приглашение. Стоявший подле мастера Пэн Юэ замер в предынфарктном состоянии: он до ужаса боялся, что господин заставит его озвучить какую-нибудь очередную нелепицу. К счастью, Ли Ю, похоже, уже вдоволь наигрался с юношей и быстро утратил к нему интерес. Опустив руку, он направился напрямик в конец коридора, к комнате Мин Юэлань.

Внутри опочивальни Линь Цюэфэн и Чжан Лоу замерли по разные стороны кровати, вперив друг в друга яростные взгляды. Ни один из них даже не смотрел на Мин Юэлань, лежавшую в беспомощности.

Заметив на пороге фигуру Ли Ю, Линь Цюэфэн вздрогнул всем телом. Воспоминание о том, как его драгоценный сын посмел заигрывать с этим грозным человеком, мгновенно лишило его остатков самообладания. Гордость испарилась, сменившись мелкой дрожью.

— Г-господин... Господин Ли, — пролепетал он.

В мире мастеров гу имя этого человека было окружено столь плотной завесой табу, что никто не смел произносить ни его фамилию, ни имя. Даже созвучные иероглифы были под запретом, а самые суеверные и вовсе избегали слов, в которых присутствовал ключ «вода». Единственным, кого во всём сообществе именовали «Господином Ли», был Ли Ю.

Чжан Лоу, увидев состояние конкурента, не упустил случая съязвить:

— Линь Цюэфэн, кончай ломать комедию. Все и так знают: Господин Ли даже не взглянул на твоего сына, сразу отправив его обратно.

— Мастер Чжан, не несите чепухи, — Линь Ци, вошедший следом за Ли Ю, не преминул вступить за свою репутацию. — Господин Ли не только посмотрел на меня несколько раз, но и дважды коснулся моего лица.

Чжан Лоу обернулся, собираясь продолжить перепалку, но едкая усмешка на его лице мгновенно превратилась в подобострастную маску, стоило ему встретиться взглядом с мастером.

— Господин Ли! — выдавил он из себя лучезарную улыбку. Скорость, с которой он сменил гнев на милость, была достойна высшей награды за актёрское мастерство.

Ли Ю удостоил его лишь мимолётным взглядом. Чжан Лоу тут же отпрянул в сторону и, низко склонившись, затараторил:

— Раз господин Мин пригласил самого Ли Ю, мне здесь делать нечего, только позориться.

Позвольте откланяться.

С этими словами он, не разгибая спины, начал пятиться к выходу, не желая давать судьбе ни единого шанса на ошибку. Мужчина двигался задом наперёд быстрее, чем вышколенный официант в дорогом ресторане. Линь Ци только диву давался, как тот умудрился с филигранной точностью проскользнуть мимо него, не задев даже краем одежды.

«Не зря он считается самым богатым мастером гу в округе, — с невольным уважением подумал юноша. — С такой реакцией и чутьём на опасность ему просто суждено процветать».

Линь Цюэфэн, глядя на позорное бегство конкурента, внезапно ощутил с ним странное духовное родство.

— Может быть, нам тоже... — робко начал он.

— Папа, иди, — отозвался Линь Ци. Линь Цюэфэн уже было обрадовался, решив, что сын наконец пришёл в норму, но тот добавил: — А я останусь.

Линь Цюэфэн только и смог, что беззвучно открывать рот.

Мин Чи понятия не имел, какие отношения связывают отца и сына Линь с Ли Ю. Линь Цюэфэна он пригласил лишь потому, что его дочь вчера зачем-то ходила к ним, а вызов Ли Ю был жестом отчаяния — он и не надеялся, что тот почтит их своим присутствием. И то, что мастер всё же пришёл, стало для него настоящим чудом.

Ли Ю сделал несколько шагов к кровати Мин Юэлань. Линь Ци последовал за ним, а Пэн Юэ, застывший за спиной господина, чувствовал себя крайне неловко. Линь Цюэфэн, оказавшийся напротив вошедших, неожиданно для себя занял позицию равного и, одеревенев лицом, незаметно подогнул колени, пытаясь казаться ниже.

— Господин Ли, что же случилось с моей Юэлань? — с тревогой в голосе спросил Мин Чи, стоя в ногах кровати.

Ли Ю коснулся своих волос и едва заметным движением вытянул одну серебристую нить. Длинная, тонкая, она загадочно мерцала в его ладони. Он слегка дунул, и нить, повинувшись его воле, плавно заскользила по воздуху к уху больной.

То, что произошло дальше, заставило Мин Чи до боли вцепиться в собственные руки, чтобы не закричать.

Серебристая нить внезапно натянулась и, подобно острой игле, вонзилась в левое ухо девушки, сантиметр за сантиметром исчезая внутри. Но самым жутким было то, что через мгновение она вышла из правого уха — идеально прямая, туго натянутая и совершенно чистая, без

единого следа крови. Словно живое существо, нить скользнула обратно к кончикам пальцев Ли Ю.

— Господин Мин, — Пэн Юэ обратился к остолбеневшему хозяину дома, — принесите чистую чашку.

Мин Чи вздрогнул, его лицо было мертвенно-бледным.

— Я... я сейчас велю слугам принести.

Линь Цюэфэн тоже едва держался на ногах от страха, и лишь Линь Ци сохранял полное спокойствие — в прошлой жизни он и не такое видел подле Ли Ю. Подобные фокусы были для него лишь «лёгкой разминкой».

Мастер слегка повернул голову и посмотрел на него.

— Тебе не страшно? — озвучил его вопрос Пэн Юэ.

— Ничуть, — Линь Ци достал руки из-за спины и искренне похлопал в ладоши. — Господин, вы поистине великолепны.

Ли Ю замер, пристально глядя на юношу. Насколько он помнил, Линь Ци никогда не лгал — он был импульсивен и наивен. Но в прошлой жизни Ли Ю никогда не слышал от него столь бесхитростной похвалы. Было похоже на то, что тот действительно... испытывает к нему симпатию.

Мужчина развернулся и медленно провел кончиками пальцев по щеке юноши.

«Хочу упасть в обморок, но боюсь», — пронеслось в голове Линь Цюэфэна.

«Гладь, сколько хочешь, только бы он не заговорил», — Пэн Юэ едва дышал от напряжения.

Линь Ци, с лёгкой улыбкой на губах, чуть приподнял голову, всем видом показывая, как ему приятно это прикосновение. Пальцы Ли Ю скользнули к его губам, но, заметив предвкушение в глазах юноши, мастер всё же убрал руку. Его лицо вновь стало бесстрастным и холодным.

Линь Ци ощутил укол разочарования, но всё же улыбнулся Ли Ю, словно говоря: «Я действительно счастлив, что вы коснулись меня».

Вскоре вернулась служанка с чашкой из тончайшего фарфора.

— Погодите, — вмешался Пэн Юэ. — Откуда эта чашка?

Мин Чи поспешил ответить за прислугу:

— Отвечай господину!

— Я... я не знаю, кто её принёс, — заикаясь, пролепетала женщина. — Но это любимая чашка молодой госпожи, она всегда ей пользуется.

Пэн Юэ, прислушавшись к безмолвным указаниям Ли Ю, холодно произнёс:

— Отставьте это. Принесите самую обычную керамическую кружку.

Служанка взглянула на хозяина, и тот коротко кивнул:

— Делай, как велено.

Женщина поспешно унесла фарфор и вскоре вернулась с простой кружкой.

— Господин, неужели с той чашкой что-то не так? — замирая от страха, спросил Мин Чи.

Ли Ю слегка похлопал Линь Ци по плечу, и Пэн Юэ с каменным лицом переадресовал вопрос юноше:

— Как думаешь?

Линь Ци на мгновение задумался, а затем обратился к мастеру:

— Можно мне взглянуть?

Тот кивнул. Линь Ци взял со стола ту самую изящную чашку. Под светом ламп она сияла мягким, почти призрачным светом, казалась почти прозрачной. Никакой другой фарфор не обладал такой белизной и чистотой. В древних книгах о подобных вещах писали: «Тонка, как бумага, бела, как нефрит, чиста, как зеркало, звонка, как гонг». Секрет такого совершенства крылся в добавлении костяной муки, а процесс изготовления был невероятно сложным.

Линь Ци легонько щелкнул пальцем по краю изделия. Раздался чистый, хрустальный звук — верный признак дорогого материала. Юноша поднял глаза на Ли Ю. Их взгляды встретились, и в это мгновение он прочитал ответ. Мастер удовлетворённо кивнул. Им больше не нужен был перевод Пэн Юэ — они поняли друг друга без слов.

Мин Чи, всё ещё пребывая в неведении, взмолился:

— Господин Линь, не томите! Что с этой чашкой?

То, что хозяин дома перешёл на уважительное «вы» в обращении к Линь Ци, заставило Линь Цюэфэна и Пэн Юэ удивлённо переглянуться. Линь Цюэфэн и сам ничего не понимал, а Пэн Юэ просто не мог поверить, что этот «бездарный неуч», о котором ходило столько слухов, разгадал тайну.

Линь Ци вновь коснулся края сосуда. Чистый звон заставил Мин Чи занервничать ещё сильнее. Он не понимал, к чему этот ритуал.

Затем юноша начал постукивать по фарфору быстрее. Ритмичный звон сливался в единую мелодию, которая пугающе напоминала... плач младенца.

Мин Чи побледнел.

Пэн Юэ, следуя воле Ли Ю, начал объяснять:

— Господин Мин, перед вами — фарфор из младенческих костей. Он пропитан тяжелейшей энергией инь. Если пользоваться такой вещью изо дня в день, жизненные силы человека истощаются, его начинают преследовать галлюцинации. В конце концов наступает состояние, подобное тому, в котором сейчас ваша дочь — глубокое беспамятство. А если медлить и дальше, госпожа Мин просто расстанется с жизнью.

Мин Чи едва не сполз на пол, ухватившись за край кровати.

— Эй, кто-нибудь! — в отчаянии выкрикнул он.

— Господин Мин, — прервал его Пэн Юэ, — не спешите распорядиться этой вещью. Подобные проклятые предметы нельзя просто выбрасывать — накличете ещё большую беду. Это отличный сосуд для выращивания гу, так что позвольте нам забрать его.

— Огромное спасибо мастеру! — Мин Чи утирал холодный пот со лба. — Если бы не вы, случилась бы непоправимая беда.

Линь Ци передал чашку Пэн Юэ. Тот достал небольшую шкатулку и небрежно бросил туда фарфор. Стоило изделию коснуться дна, как из недр коробки раздался пронзительный, тонкий крик, похожий на вопль ребёнка. Лицо Мин Чи снова стало серым от ужаса.

«Интересно было бы столкнуть золотого шёлкопряда гу с этим фарфором из младенческих костей, — подумал Линь Ци. — Посмотрим, кто из них больше похож на капризное дитя»

Вскоре служанка принесла керамическую кружку. На этот раз Ли Ю не стал возражать и опустил в воду ту самую серебристую нить из своих волос.

— Господин велел передать, — произнёс Пэн Юэ, — что вы, господин Мин, должны самолично сжечь этот волос в чашке, дожждаться, пока пепел осядет, и напоить этим госпожу Мин. Тогда она придёт в себя.

— Да-да, конечно! — отец больной принял кружку обеими руками, словно величайшее сокровище, и поспешно вышел.

Линь Цюэфэн всё это время стоял с совершенно отсутствующим видом, переводя взгляд с сына на чашку. Он не мог понять, откуда у Линь Ци такие познания. Что ещё за фарфор из младенческих костей? Он и слыхом о таком не слыхивал.

— Господин, — заговорил Линь Ци, когда они остались наедине, и на его лице отразилась тень истинной тревоги, — для создания такого фарфора мастеру нужно использовать кости ребёнка, связанного с ним кровным родством. Кто же мог быть настолько жестоким...

Убить младенца, едва прожившего месяц, чтобы выжечь из его костей чашку... Это за пределами безумия. Какие родители способны на такое ради того, чтобы погубить другого человека?

Ли Ю выглядел совершенно равнодушным. Пэн Юэ слово в слово перевёл его безмолвную мысль:

— Для некоторых людей дети — всего лишь инструменты. Кто-то рождает их, чтобы обеспечить себе старость, кто-то — чтобы создать гу. Разве есть разница?

Линь Ци замер, оглушённый этими словами. Через некоторое время вернулся Мин Чи. Бережно прижимая к груди чашку с водой, он робко спросил мастера:

— Господин, этого количества воды хватит?

— Достаточно, идите, — ответил Пэн Юэ.

Мин Чи сел у изголовья и, приподняв голову дочери, начал по капле вливать ей в рот целебную смесь, не сводя с неё полного любви и боли взгляда.

Линь Ци, наблюдая за этой сценой, тихо прошептал Ли Ю:

— Но ведь есть и много хороших родителей.

Пэн Юэ промолчал. Похоже, Ли Ю не счёл нужным комментировать это утверждение.

Едва последняя капля исчезла во рту Мин Юэлань, как та открыла глаза. Увидев плачущего отца, она смущённо пробормотала:

— Папа... Почему ты в моей комнате?

— Юэлань, ты чуть не свела меня в могилу! — воскликнул Мин Чи, не в силах сдержать эмоций.

Он вкратце объяснил ей, что произошло, умолчав лишь о происхождении чашки и сказав, что вещь была проклята. Лицо Мин Юэлань мгновенно изменилось. На её прекрасном лице отразилась смесь боли и неверия.

— Юэлань, скажи отцу... кто подарил тебе эту чашку?! — видя её реакцию, в гневе насел на неё родитель.

Девушка мучительно закусила губу, в её глазах задрожали слёзы.

— Я... я сама её купила.

Она лгала. Линь Ци понял это мгновенно.

Впрочем, это поняли все присутствующие — Мин Юэлань была совершенно не способна на ложь.

Мин Чи, видя её состояние, не стал продолжать допрос. Он уложил дочь поудобнее и обратился к гостям:

— Благодарю господина Ли и господ из клана Линь за помощь. Прошу вас, проследуйте в обеденный зал, я велел накрыть стол.

Линь Ци кивнул и жестом подозвал к себе отца, который всё это время старался казаться частью интерьера. Линь Цюэфэн пристроился в самом хвосте процессии и тихо шепнул сыну:

— Цици, откуда ты узнал про этот жуткий фарфор?

— Господин Ли только что шепнул мне, — так же тихо ответил Линь Ци.

Линь Цюэфэн округлил глаза:

— Но как... как он мог тебе прошептать?

Линь Ци соединил кончики указательных пальцев и таинственно произнёс:

— Столкновение душ, папа.

— ...

Ли Ю, шедший впереди всех, внезапно едва заметно улыбнулся. Он обернулся, и его обычно мертвенно-бледные глаза на миг вспыхнули живым светом, скользнув по смеющемуся лицу юноши. Ему всё сильнее хотелось... заполучить эту улыбку в свою коллекцию.

<http://bllate.org/book/15815/1437494>